

С. А. Алексиевич⁴

ПРОБЛЕМЫ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Я занимаюсь прошлым, пишу некую хронику, и во главе моего интереса — маленький человек. Человек улицы — вот что меня интересует. Мне очень нравятся слова Пастернака о том, что после Христа человек уже не умирает под забором, он умирает в истории.

Думаю, нам всем, и особенно молодым ребятам, довелось жить в очень сложное время. Потому что исчезла огромная империя, ушла под воду гигант-

ская социалистическая Атлантида. Еще 10 лет назад, в период, который многие из присутствующих молодых людей просто не застали, было время проклятий. Империю, социализм провожали с проклятиями и со слезами. Сегодня же мы в состоянии посмотреть на эту недавнюю историю спокойно, как на исторический опыт. Гибель красной цивилизации нужно осмыслить, и каждому человеку нужно извлечь какой-то опыт из ее истории, чтобы жить и создать для себя какую-то картину нового мира. А это непросто, потому что если раньше мы жили в красном интерьере, то сейчас мы живем без интерьера.

Картины мира нет. Есть какие-то политические задачи. И одна из главных задач сегодня — найти свое место в изменившемся мире. Эта задача очень проста с точки зрения маленького человека,

⁴ Писательница (Белоруссия).

которым я занимаюсь. Какой должна быть страна — сильной или приличной? Это фундаментальный вопрос для любого из нас. И отвечать на него приходится каждому в одиночестве. Мы очутились в очень сложной ситуации. Элита оказалась заложником культуры борьбы, баррикадной культуры, и у нее нет опыта созидания. Этот опыт только нарабатывается. Используются западные образцы, поскольку других пока нет. Хотя мы меняемся, но в то же самое время ненавидим себя за то, что меняемся. Ненавидим себя за принятые западные образцы.

Что с нами произошло за последнее время? Мир изменился. Раньше мир делился, можно сказать, по трем критериям: палачи и жертвы — это ГУЛАГ; братья и сестры — это война; электорат — это технологии, современный мир. Раньше наш мир еще делился на тех, кто сидел, и тех, кто сажал, на белых и красных. Сегодня это деление на славянофилов и западников; есть и «пятая колонна», которая опять попираема и презираема, к несчастью, поскольку мы не делаем выводов из своей истории.

Вчера, во время Пленарного заседания Чтений, мне понравилось выступление Б. П. Пиотровского, которое затронуло, может быть, одну из самых главных проблем: мир разделился по-новому, а прежние деления канули в небытие. Мир разделился очень вульгарно и цинично. Мы живем в вульгарный период: граница деления сегодняшнего мира — кто может купить и кто не может. И это, я бы сказала, самое жестокое испытание для России и для постсоветского человека. Потому что после великих утопий самое тяжелое наследство — это не плохие дороги (хотя и они тоже), не неудобные и некрасивые дома и тому подобное, это человек — результат смеси тюрьмы и детского сада, человек, который не способен войти в то царство свободы, к которому он так хорошо и красиво призывал на кухне (особенно интеллигенция). Теперь, когда он выходит на улицу, вдруг обнаруживается то, о чем я говорила. Простые люди могут страдать, элита может бороться, но ощущается какое-то всеобщее бессилие. Потому что для маленького человека свобода — это страшно. Потому что униженность и бедность — это очень уютное состояние, как оказывается. Мой опыт — интервью с тысячами людей. И могу сказать, что в этих беседах мне все время вспоминался Достоевский, который сказал однажды: «Вы не знаете, как страшен бедный человек. Бедные люди ужасно капризны». Это очень точно поставленный нам диагноз.

Беру на себя смелость сказать, что мы пропустили свой исторический шанс — он был нам дан в 1990-е гг. Да, это были страшные, но и красивые годы. Мы пропустили свой шанс потому, что наша элита (интеллигенция) всегда была во «внутренней эмиграции», так же как когда-то большевики, которые все время были как бы где-то в эмиграции. Они были изгоями. Такими же изгоями в нашем обществе были представители элиты (интеллигенции). И это обнаруживает нашу неспособность к делу.

Это кончается кровью или тем, что отражено в замечательном фильме Германа по роману брать-

ев Стругацких «Трудно быть богом». Там показано, как вместо «серых» приходят «черные». Имеется некая «пружина» в истории, запускающая процесс смены просто «серых» на «черных». Все время происходит это страшное движение.

Лично мне жаль в советской мифологии лишь миф о хорошем, прекрасном человеке, способном на жертву. У меня есть книга «У войны не женское лицо», недавно я подготовила к печати ее новый вариант. Я так много слышала страшных историй о жизни людей, переживших войну, но и сама иногда плакала по тому человеку, который исчез. Да, это было страшное время, но вместе с тем и прекрасное. К нему применимы слова художника Табакова: «Когда мы боролись с чудовищем — оно нас увеличивало, мы были большие, это придавало некую метафизику нашей жизни. И мы победили это чудовище. Но когда мы оглянулись вокруг, оказалось, что надо жить с крысами». А этого опыта — жить с крысами, с монстрами, которые живут в человеке, в его природе, — у нас нет. Тут мы бессильны, бессильна и наша культура. Потому что мы — цивилизация борьбы и страдания.

Мы встали перед вызовом другой жизни, которой живет остальной мир, — слишком человеческой, когда цель жизни — просто жизнь.

Смею утверждать, что мы все потерпели катастрофу идеи, потому что в нашей культуре отсутствует смысл счастья и интереса к жизни как просто жизни, у нас нет такого опыта, нам не на что опереться.

В каждой семье бабушки, дедушки, мамы, папы и наша литература учили или умирать, или страдать. Я бы даже сказала, что ГУЛАГ мы как общество — несмотря на жуткие потери и Отечественную войну, несмотря на всю кровь, которой мы залили пол-Европы, — перенесли с большим достоинством, чем деньги. Это соприкосновение ГУЛАГа и двенадцатиперстной кишки.

Взгляните на наше телевидение, откройте наши гламурные журналы: все посвящено там «низу» человека. На сегодняшнем этапе наша философия жизни, конечно, совсем не та, что была у Швейцера. Там — уже космическая философия, когда человек ищет некий божественный смысл жизни, а у нас все сведено к одному — иметь. Иметь и жить — это совершенно разные вещи. Мы пока еще находимся, повторю, на совершенно вульгарной стадии. И телевидение, и журналы говорят о том, что нужно желудку. То есть вся страна превратилась в желудок, каждый из нас превратился в желудок.

Нам надо увидеть новый мир и то, как человек строит, меняет свою жизнь в нем, но просто увидеть — мало для того, чтобы все это стало человеческой жизнью. Мы стоим перед фактом и перед новым вызовом: человек уходит из большой истории, он уходит в малую историю. И нам всем надо заново учиться жить. Старые мифы меняются, к сожалению, на новые. Мифы — это то, что помогает нам жить, однако новые мифы отражают совершенно новое, неизвестное нам пространство, потому что так мы еще никогда не жили.